

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Реликтовые
индоевропейские языки
Передней и Центральной Азии*

Москва
Academia
2013

УДК 811.1(29)
ББК 81.2
Я41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 03-04-00247а, 13-04-16029д),
программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»
и Минобрнауки РФ (государственный контракт № 02.740.11.0595)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Главный редактор издания «Языки мира» — *А.А. Кибрик*

Редакционная коллегия тома:

Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик

Группа «Языки мира»:

*О.И. Беляев, В.Ю. Гусев, А.А. Кибрик, Е.М. Князева, Ю.Б. Коряков,
Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус, Н.В. Розова, О.И. Романова*

Я41

Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. — М.: Academia, 2013. — 512 с. ISBN 978-5-87444-370-2

Книга является очередным томом энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Данный том посвящен ряду ветвей индоевропейской языковой семьи, распространенных в Передней и Центральной Азии, включая анатолийские языки, фригийский и галатский языки, реликтовые арийские, армянский и тохарские языки. Большинство статей тома (помимо статей о современных формах армянского языка) посвящены древним языкам. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхронную структурную характеристику описываемого языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. В книге содержатся языковые карты, которые отражают распространение описываемых языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков и предназначенный для лингвистов различной специализации, и справочное издание с широким кругом адресатов, включающим историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся древними и индоевропейскими языками.

Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia. Yuri B. Koryakov and Andrej A. Kibrik (eds.). — Moscow: Academia, 2013. — 512 pp. ISBN 978-5-87444-370-2

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This volume addresses the Indo-European languages of Western and Central Asia, including Anatolian, Phrygian, Galatian, Relict Aryan, Armenian with its varieties and Tocharian. Almost all languages considered are ancient with the exception of Modern Armenian. Each essay follows the typologically oriented template implemented throughout the Languages of the World series. This template imposes sociolinguistic, diachronic and structural characterization upon individual languages and ensures the commensurability of the descriptions of different languages. A set of maps illustrating the spread of the languages is appended. The volume is intended as a fundamental study addressed to the linguists of various specializations, but also as a reference source addressed to a wide audience of historians, cultural anthropologists, teachers as well as students, and everyone interested in ancient and Indo-European languages.

© Институт языкознания РАН, 2013 г.

© Издательство Academia, оформление, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	10
Предисловие	12

Анатолийские языки

<i>А.С. Касьян, И.С. Якубович.</i> Анатолийские языки	15
<i>А.С. Касьян, А.В. Сидельцев.</i> Хеттский язык	26
<i>А. Рицца.</i> Лидийский язык	75
<i>А.С. Касьян, А.В. Шацков.</i> Палайский язык	97
<i>И.С. Якубович.</i> Лувийский язык	106
<i>А. Клукхорст.</i> Ликийский язык	131
<i>В.В. Шеворошкин.</i> Милийский язык	154
<i>И.-Х. Адъего.</i> Карийский язык	166
<i>А.С. Касьян.</i> Сидетский язык	175
<i>А.С. Касьян.</i> Писидийский язык	177
<i>О. Лигорио, А. Лубоцкий.</i> Фригийский язык	180
<i>Т.А. Михайлова.</i> Галатский язык	196

Арийские языки

<i>Б.Л. Огибенин.</i> Митаннийский индоарийский язык	198
<i>М.А. Живлов.</i> Андроновский арийский язык	217

Армянский язык

<i>Н.А. Дилбарян.</i> Древнеармянский язык	221
<i>Л.С. Овсепян.</i> Восточноармянский литературный язык	242
<i>А. Донабебян, Л.С. Овсепян, Р.К. Сакапетоян.</i> Западноармянский литературный язык	291
<i>Л.С. Овсепян, Г.Г. Геворкян.</i> Армянские диалекты (общий обзор)	320
<i>Г. Мартиросян.</i> Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов)	334

Тохарские языки

<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарские языки	386
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский А язык	398
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский В язык	444

Авторы и редакторы книги	486
Принятая нотация и сокращения.....	488
Указатель названий реликтовых индоевропейских языков Передней и Центральной Азии	493
<i>Приложение:</i> Типовые схемы статей.....	505
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Карты реликтовых индоевропейских языков и диалектов Передней и Центральной Азии	507

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	10
Preface	12

Anatolian languages

<i>A.S. Kassian, I.S. Yakubovich.</i> Anatolian languages.....	15
<i>A.S. Kassian, A.V. Sideltsev.</i> Hittite.....	26
<i>A. Rizza.</i> Lydian.....	75
<i>A.S. Kassian, A.V. Shatskov.</i> Palaic	97
<i>I.S. Yakubovich.</i> Luwian	106
<i>A. Kloekhorst.</i> Lycian	131
<i>V.V. Shevoroshkin.</i> Milyan	154
<i>I.-X. Adiego.</i> Carian	166
<i>A.S. Kassian.</i> Sidetic	175
<i>A.S. Kassian.</i> Pisidian	177
<i>O. Ligorio, A. Lubotsky.</i> Phrygian	180
<i>T.A. Mikhailova.</i> Galatian	196

Aryan languages

<i>B.L. Oguibenine.</i> Mitanni Indo-Aryan.....	198
<i>M.A. Zhivlov.</i> Andronovo Aryan	217

Armenian language

<i>N.A. Dilbaryan.</i> Classical Armenian.....	221
<i>L.S. Ovsepyan.</i> Standard Eastern Armenian	242
<i>A. Donabédian, L.S. Ovsepyan, R.K. Sakapetoyan.</i> Standard Western Armenian.....	291
<i>L.S. Ovsepyan, G.G. Gevorkyan.</i> Armenian dialects (general overview)	320
<i>H. Martirosyan.</i> Armenian dialects (description of individual dialects).....	334

Tocharian languages

<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian languages.....	386
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian A	398
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian B	444
Contributors	486
Notation and abbreviations	488

Index of the relict Indo-European languages and dialects of Western and Central Asia.....	493
<i>Appendix: Templates</i>	505
<i>Yu.B. Koryakov. Maps of the relict Indo-European languages of Western and Central Asia.....</i>	<i>507</i>

schrift für vergleichende Sprachforschung, 1982–1983, № 96.

Payne A. Hieroglyphic Luwian: An Introduction with Original Texts. Wiesbaden, 2010.

Poetto M. L'iscrizione luvio-geroglifica di Yal-burt. Pavia, 1993 (Studia Mediterranea 8).

Plöchl R. Einführung ins Hieroglyphen-Luwische. Dresden, 2003 (Dresdner Beiträge zur Hethitologie, Bd. 8).

Rieken E. Zum hethitisch-luwischen Sprachkontakt in historischer Zeit // Altorientalische Forschungen, 2006, Bd. 33, issue 2.

Rieken E. Die Zeichen <ta>, <tá> und <tà> in den hieroglyphen-luwischen Inschriften der Nachgroßreichszeit // VI Congresso Internazionale di Ittitologia (Roma, 5–9 settembre 2005) / A. Archi und R. Francia (eds.). 2008, pt. II (Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 50).

Rieken E., Yakubovich I. The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172 // Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of His 70th Birthday / I. Singer (ed.). Tel-Aviv, 2010.

Starke F. Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift. Wiesbaden, 1985 (Studien zu den Boğazköy-Texten, Beiheft 30).

Starke F. Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens. Wiesbaden, 1990 (Studien zu den Boğazköy-Texten, Beiheft 31).

Yakubovich I. Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs // Acta Linguistica Petropolitana, 2008, No. 4/1.

Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luwian Language. Leiden, 2010.

А. Клухорст

ЛИКИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

1.0. Ликийский язык (Л.я.), англ. *Lycian*, нем. *Lykisch*, фр. *lycien*. Вариант названия «ликийский А» используется, чтобы отличить от близкородственного милийского или ликийского В (см. 6.0. и статью «Милийский язык» в наст. издании). Вероятно, самоназванием для Л.я. являлась форма вроде *tr̥m̥mili* [tr̥m̥mili], так как прилагательное *tr̥m̥mili-* имеет общее значение 'ликийский; ликиец' (а суффикс *-ileli-* напоминает хеттский суффикс *-ili*, который образует названия языков, например, *lūili* 'по-лувийский'). Прилагательное *tr̥m̥mili-* произведено от существительного *tr̥m̥mis* 'Ликия'. Название *Ликия* происходит от древнегреческого наименования соответствующей области, *Λυκία*, которое, в свою очередь, должно быть сопоставлено с областью Лукка (*Lukkā*), известной по клинописным источникам II тыс. до н. э.

2.0. На Л.я. говорило население древней Ликии (области, располагавшейся в юго-западной части современной Турции примерно между нынешними городами Фетхие и Анталья), по крайней мере, в I тыс. до н. э. Ликийцы называли свою страну *Tr̥m̥mis*, хотя во II тыс. до н. э. соседи называли эту территориальную единицу *Lukkā*, как следует из хеттских, лувийских, угаритских и египетских источников.

Ликийские тексты датируются примерно 500–300 гг. до н. э. К III в. до н. э. Л.я., вероятно, вымер, будучи вытесненным греческим в результате завоевания Анатолии Александром Македонским в 334–333 гг. до н. э.

3.0. Л.я. относится к лувической подгруппе анатолийской группы индоевропейской семьи языков. Ближайшими известными родственниками Л.я. являются лу-

¹ Перевод с англ. А.С. Касьяна.

вийский, карийский и, возможно, сидетский. Подробнее см. статью «Анатолийские языки» в наст. издании.

4.0. Корпус Л.я. состоит из примерно 170 надписей на камне, примерно 150 различных монетных легенд (всего найдено около 6000 монет с ликийскими надписями) и нескольких ликийских слов в текстах греческих авторов эллинистического периода.

Основная часть надписей представляет собой краткие эпитафии на надгробных памятниках, однако известно и несколько исторических текстов (вроде правительственных эдиктов) и посвящений богам. Сводные публикации ликийских надписей на камне — Kalinka 1901 (тексты из этого издания обычно цитируются с сиглой «TL») и Neumann 1979 (тексты из этого издания обычно цитируются с сиглой «N»). Спорадические находки ликийских текстов продолжают до сих пор, см. издания новых памятников у Лароша (1979), Буске (1992), Нойманна (1995; 2000).

До 1970-х гг. научные знания о Л.я. в основном базировались на анализе эпитафий. С одной стороны, ликийские эпитафии обладают относительно шаблонной структурой, а с другой — некоторые из них имеют параллельный текст на греческом. Кроме того, стереотипные формулы сохраняются и в более поздних эпитафиях из этого региона, записанных уже только на греческом языке. Находка в Летооне трехязычной стелы, содержащей 41 строку ликийского текста с полным переводом на греческий и арамейский, открыло новую главу в изучении Л.я. Однако, несмотря на значительный объем новой информации, полученной из анализа летоонской стелы, исторические тексты, вроде самого крупного памятника Л.я. — стелы из Ксанфа (TL 44, 139 ликийских строк), остаются во многом непонятными.

Для записи Л.я. использовался особый ликийский алфавит, объединяющийся в одну группу с другими малоазийскими и ранними греческими алфавитами. Ниже приводится один из распространенных вариантов его транслитерации, предполагаемые приблизительные фонетические значения букв, а также для сравнения транслитерация и фонетические значения из энциклопедического очерка Мелчерта (2004) и транслитерация и фонетические значения (где не совпадают с транслитерацией) из статьи В.В. Шеворошкина «Милийский язык» в наст. издании.

Графемы	Транслитерация	Фонетическое значение	Мелчерт	Шеворошкин
Α	a	a	a	a
Ε	e	e	e	e
Β, β	b	φ	b /β/	b [b]
Ϟ	k	ç ?	β /k ^w /?	γ [γ ^w]
Γ, γ	g	x	g /γ/	g [γ]
Δ	d	θ	d /δ/	d [d]
Ε	i	i	i	i
Φ	w	w /u/	w	w
Ζ	z	t ^s	z /t ^s /	z [z, ts]
Χ *	θ	θ ??	θ	—
Ι	j	j /i/	y	j
Κ	k	c	k /k/	k
Ϟ	q	k ^w	q /k/	q [x ^w]

написаний вроде *mīñt(i)*- = греч. μίντις, следует скорее предположить, что для записи назального /ñ/ использовалась комбинация букв *iñ*. Аналогичным образом обстоит дело с /ũ/: форма *puñtē* является формой 3-го лица множественного числа претерита активного залога от глагола *pu*- ‘?’, а так как стандартное окончание 3-го лица множественного числа претерита активного залога — *-ŷtē*, можно заключить, что *puñtē* должно анализироваться как /pũtē/. Во многих формах, где по этимологическим соображениям ожидалось бы /ñ/ и /ũ/, обнаруживаются написания с простыми *i* и *u*. Можно предположить, что на определенной стадии развития праикийской фонемы *ĩ и *ũ денализировались, совпав с *i и *u, а формы *mīñti*- и *puñtē* представляют собой новообразования.

В позиции перед знаком назального согласного (*n, ñ, m, m̃*) знак *a* находится в свободной вариации со знаком *ã*, а знак *e* — со знаком *ẽ* (например, варианты *mahana*- и *mahãna*- ‘бог’, *sijeni* и *sijēni* ‘я лежу’ и т. п.). Вероятно, в такой позиции назализация гласного была автоматической, т. е. не фонологической; фонологически такие формы анализируются как /mahana-/ и /sieni/. Перед *t* гласные *ã* и *ẽ* иногда денализируются (например, варианты *mēti* и *meti* < **me=ẽ=ti* ‘и его кто’, *tātu* и *tatu* ‘пусть они поставят’ и т. п.). В позиции перед *s* денализация гласного была, видимо, регулярным процессом, например, *qas*- ‘разрушать’ < **qã-s*- (основа с имперфективным суффиксом *-s*- от глагола *qã*- ‘разрушать’). Изредка *ã* передается как *u*, например, акк. ед. ч. *χyru* ‘гробницу’ вместо регулярного *χyruã* или ном. мн. ч. *muhãi* ‘боги’ вместо регулярного *mãhãi*.

В принципе назальные гласные фиксируются только в преконсонантной позиции (/ŷC-/) или в абсолютном конце фонетического слова (/ŷ#/). В позиции перед гласным назальные гласные реализуются как *-Vn-*, ср., например, *mene* < *me* (фразовый союз) + *-ẽ* (аккузатив единственного числа общего рода энклитического личного местоимения 3-го лица) + *-e* (номинатив единственного числа общего рода энклитического личного местоимения 3-го лица), что противопоставлено *mēti* < союз *me* + *-ẽ* + *-ti* (номинатив единственного числа общего рода энклитического относительного местоимения). Единственный случай, когда назальные гласные встречаются в предвокальной позиции — окончания ном. ед. ч. общ. р. *-ẽi* (*y e*-основ) и *-ãi* (*y a*-основ). Так как данные морфемы должны восходить к пралувицескому **-onsi* и **-ansi* (ср. лувийское окончание ном. мн. ч. общ. р. *-anzi*), можно предположить, что *-ẽi* и *-ãi* развились из более раннего **-ẽhi* and **-ãhi* (с регулярным *h* < **s*). Тот факт, что назальные гласные здесь сохраняются, мог бы говорить о наличии синхронного согласного в данных окончаниях, т. е. о чем-нибудь вроде /-ẽʔi/ и /-ãʔi/ (однако ради удобства в дальнейшем изложении эти окончания будут интерпретироваться как *-ẽi* и *-ãi* в соответствии с их графическим обликом).

Основные праанатолийские источники ликийских гласных фонем следующие:

— *a* < анат. */a/: окончание 1 л. прош. вр. акт. *-χα* /-ka/ < */-Ha/ (< и.-е. **-h₂e*), ср. лув. *-h̃ha* ‘id.’; < анат. */ẽ/: *ta*- /ta-/ ‘власть’ < /dẽ-/ (< и.-е. **d^heh₁-*), ср. хетт. *tẽ*- ‘сказать’ (исходно < *‘власть, помещать’); < анат. */ã/: окончание ном.-акк. мн. ч. ср. р. *-a* /-a/ < */-ã/ (< и.-е. **-eh₂*), ср. хетт. *-a* ‘id.’;

— *e* < анат. */e/: *esi* /esi/ ‘он есть’ < /ẽsti/ (< и.-е. **h₁ẽsti*), ср. лув. *ãsti*, хетт. *ẽszi* ‘id.’; < анат. */o/: окончание ген. мн. ч. *-ẽ* /-ẽ/ < */-om/ (< и.-е. **-om*), ср. хетт. *-an* ‘id.’; < анат. */õ/: *ebe*- /ефе-/ ‘он; этот’ < /ʔobõ-/ (< и.-е. **h₁ob^hõ-*), ср. лув. *apã-*, хетт. *apã-* ‘тот’; < анат. */ʔR-/: *ẽmu* /emu/ ‘я, мне’ < /ʔMu/ (< и.-е. **h₁mn^o*), ср. лув. *amu*, хетт. *ammuk* ‘id.’;

— *i* < анат. */i/: окончание 3 л. наст. вр. акт. *-ti* /-ti/ < */-ti/ (< и.-е. **-ti*), ср. лув. *-tti*, хетт. *-zi* 'id.'; < анат. */i/: *si-* /si-/ 'лежать' < /kī-/ (< и.-е. **kēi-*), ср. лув. *zī-*, хетт. *kī-* 'id.';

— *u* < анат. */u/: *esu* /esu/ 'пусть будет' < /ʔéstu/ (< и.-е. **h₁éstu*), ср. лув. *āštu*, хетт. *ēštu* 'id.'; < анат. */Vu/: *χug*^o /kux-/ 'дед' < /háuh-/ (< и.-е. **h₂éuh₂-*), ср. лув. *hūha-* 'id.'; < анат. */g^w/: *wawa-* /uaa-/ 'корова' < пралик. */ueua-/ < */g^wou-/ (< и.-е. **g^weh₃u-*).

Для праликийского или даже для синхронного ликийского можно предположить два правила вокалической гармонии (которые затемняют систему этимологического происхождения гласных):

1) гласный *e* понижается в *a*, если следующий слог содержит *a* или *u*, т. е. **eCa/u* > *aCa/u*. Например, лексема *tese/i-* 'клятва' имеет форму ном.-акк. мн. ч. *tas-a*. Факультативно эта гармония может захватывать и проклитики: ср. *sa=ladi* наряду с *se=lada* 'и для жены' (исходная форма союза 'и' — *se*). Иногда можно встретить не прогармонизировавшую форму, например, местоимение 1-го лица единственного числа 'я, мне' фиксируется как в форме *amu* (реже), так и *ēmu*, *emu* /emu/ (чаще), а глагол *prñnawa-* 'строить' (около 110 фиксаций в корпусе Ля.) единожды отмечен в исходной, не прогармонизировавшей форме *prñnewa-* (TL 12, 1) < анат. */prñouā-/ . Почти все остальные случаи, где сохраняется *e* перед слогом с *a* или *u*, представляют собой или композиты (*aladehali* < *alade ahali* 'тот, кто погребает(?)') или цепочки с клитиками (*mēnadē* < *mēne adē* 'он это сделал');

2) гласный *a* повышается в *e*, если следующий слог содержит *e* или *i*, т. е. **aCeli* > *eCeli*. Эта закономерность объясняет дублиеты *Pedrita* наряду с *Padrita* 'Афродита' и *prñnawetē* 'он построил' (одна фиксация в TL 13, 2) наряду с частотной формой *prñnawatē*. Примеры на такую гармонию малочисленны, поэтому можно предположить, что данный процесс перегласовки начал действовать незадолго до конца письменной истории Ля.

Имеются свидетельства, что в праликийском действовал процесс падения гласных. Точные условия такой синкопы не ясны, но она, без сомнения, должна была быть результатом безударности того или иного гласного. Например, *pddāt-* /pθāt-/ 'место' < анат. **pedant-*, ср. хетт. *pēda-* 'место'.

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования					
		Губные	Зубно-альвеолярные	Палатальные	Велярные	Велярные огубленные	Ларингальные
Шумные	Взрывные	p	t	c	k	k ^w	
	Фрикативные	φ	θ (?), s	ç	x		h
	Аффрикаты		t ^s				
Сонанты	Носовые	m	n				
	Боковые		l				
	Дрожащие		r				
	Глайды	(w)		(j)			

Фонетическая реализация некоторых из графем остается дискуссионной. Ниже излагается фонетический анализ, предложенный в статье Клухорста (2008).

Графемы *p*, *t*, *k*, *χ*, *q* выражают серию глухих взрывных: /p/, /t/, /c/, /k/, /k^w/. После носового согласного и, возможно, в интервокальном положении эти фонемы реализуются звонкими аллофонами: [b], [d], [j], [g], [g^w].

Знак **Ɓ** *k*, видимо, выражает палатальный взрывной /c/, в то время как знак **Ɔ** *χ* выражает веларный взрывной /k/. Таким образом, старая система транслитерации с «с» и «к» на месте указанных знаков оказывается фонетически более точной.

Интерпретация **Ɔ** *q* длительное время служила предметом споров, но к настоящему моменту большинство исследователей согласно, что этот знак выражает лабиализованный веларный взрывной /k^w/.

Знак **Ɔ** *τ* встречается только в основах, имеющих параллельные написания через **T** *t*: *tere-/tere-* 'округ(?)', *tetere/i-/tetereli-* 'город', *tezi-/tezi-* 'саркофаг'. Так как *τ* засвидетельствован только перед *e*, где он, вероятно, является палатализованным отражением праанатолийского **k^w*, предполагается, что *τ* выражал нечто промежуточное между **k^w* and *t* (может быть [tʰ]?). Знак *τ* встречается всего лишь в нескольких текстах, и, видимо, выражаемая им фонема быстро слилась с *t*, поэтому в данной статье *τ* не включается в фонологическую систему Л.я.

Графемы **B** *b*, **Δ** *d*, **Ɔ** *K* and **Ɔ** *g*, вероятно, передают серию глухих спирантов: /φ/, /θ/, /ç/, /x/. Обычно предполагается, что эти фонемы были звонкими, но ряд доводов заставляет считать, что озвонченные [β], [ð], [j], [ɣ] функционировали только как аллофоны, употребляемые в интервокальной позиции. Фонетическая интерпретация **Ɔ** *K* как спиранта /ç/, соответствующего палатальному взрывному /c/, крайне ненадежна.

Лабиализованный веларный /k^w/ не имеет соответствующей спирантной пары. Эта лакуна в фонологической системе Л.я. восходит к пралувическому состоянию.

Значение знаков **Ɔ** *s* и **+** *h* надежно устанавливается как /s/ и /h/. Графема **I** *z*, вероятно, выражает аффрикату /ts/. Точное фонетическое значение знака **χ** *θ* не ясно, он используется в тех местах, где, исходя из морфологической структуры, ожидаются сочетания ***ih* или ***dh* (которые как таковые не зафиксированы в корпусе Л.я.). Ср., например, *labθe/i-*, посессивное прилагательное от *lada-* 'жена' < **lad-he/i-*. Схожим образом *leθθe/i-*, посессивное прилагательное от 'Лето (Λητώ)' < **let-he/i-*. Бифонемное происхождение *θ*, вероятно, является причиной того, что этот знак обычно выписывается с удвоением: *θθ*.

Знаки **Ɔ** *r*, **Λ** *l*, **Ɔ** *m* и **Ɔ** *n* передают /r/, /l/, /m/ и /n/. Знаки **χ** *m̃* и **Ξ** *ñ* не представляют отдельные фонемы, а выражают или слоговые аллофоны /m/ и /n/, т. е. [m̃] и [ñ] (в позиции не после гласной), или назализованность предшествующей гласной, или геминацию последующего носового согласного.

Знаки **I** *j* и **F** *w* выражают соответствующие глайды, фонематический статус которых не вполне ясен. Лабиальный глайд *w* встречается в интервокале или же в начале слова перед гласной; формально можно считать, что *w* является аллофоном гласного *i*. Палатальный глайд *j* встречается только в интервокале; формально можно считать, что *j* является аллофоном гласного *i*. В вокалических последовательностях *iV*, *uV* эпентеза глайда автоматична: *-ije-*, *-ija-*, *-uwe-*, *-uwa-* и т. д. (выбор между *j* и *w* зависит от первого гласного).

Для согласных Л.я. (кроме *r* и *l*) характерно удвоенное написание согласных: *pp*, *χχ* и т. п., а в случае с носовыми: *ñm* и *ñm̃*. Видимо, в подавляющем большинстве случаев

удвоенное написание обусловлено фонетическим контекстом. Например, в позиции после носового согласного согласный удваивается (это не касается *r*, *l* и *b* < **ɥ*), что, видимо, выражает фонетическую долготу согласного, а в случае с носовым — слоговость, ср. *astte* [ast:e] ‘он делал’, *erbbe-* [eɾf:e-] ‘битва’, *hrzze/i-* [hrts:e-] ‘верхний’, *pddât-* [pθ:ād-] ‘место’, *trqqñt-* [trk^w:nd-] ‘бог Грома’, *arñna-* [arɲna-] ‘Ксанф’, *prñnawa-* [prɲnaua-] ‘строить’, *sñmati* [sɲmadi] ‘обязывает’. Так как эти фонетические процессы регулярны для данной позиции, фонологически можно интерпретировать эти слова как /aste/, /eɾfe/, /hrtse-/, /pθât-/, /trk^wnt-/, /arna-/, /prnaua-/ и /smati/.

Важное исключение составляет начальная позиция, где противопоставляются одиночные и удвоенные написания для следующих согласных: *p-/pp-*, *t-/tt-*, *s-/ss-*, *z-/zz-*, *h-/hh-*, *n-/ñn-*, *m-/mm-*; кроме того, носовые противопоставляются и в интервокале: *-n-/ñn-*, *-m-/mm-*. Для данных позиций удвоенные написания фонологически интерпретируются как сочетания двух фонем: *tti-* /*tti-*/ ‘платить’ vs. *ti-* /*ti-*/ ‘кто’; *tlei-* /*tlei-*/ ‘платить’ vs. *tlawa-* /*tlaua-*/ ‘Тлос (город)’; *ebēñne/i-* /eɸenne-/ ‘этот здесь’ vs. *ēne/i-* /ene-/ ‘мать’.

Основные праанатолийские источники ликийских согласных фонем следующие:

— глухие взрывные /p/ и /t/ отражают анатолийские сильные **p/* и **t/*: *epñ* /eɾn/ ‘затем’ < анат. **ʔorom/*, ср. хетт. *āppan*; *pddât-* /pθât-/ ‘место’ < анат. **pedant-*, ср. хетт. *pēda-* ‘место’; *trqqñt-* /trk^wnt-/ ‘бог Грома’ < анат. **trH^w(a)nt-* (< и.-е. **trh₂u(e)nt-*), ср. лув. ^d*tarhuuant-* ‘id.’; окончание 3 л. наст. вр. акт. *-ti* /*-ti-* < анат. **-ti-*, ср. лув. *-tti*, хетт. *-zi* ‘id.’. В прилагательном *epttehe/i-* /eɸtehe/i-/ ‘ихний’, представляющем собой посесив от дат. мн. ч. *ebette* /eɸette/ ‘им’, взрывной /p/ происходит из спиранта /ɸ/, который в контакте с /t/ (результат синкопы медиального гласного) стал смычным. Зубной взрывной /t/ может также восходить к анат. **k^w/* перед **e* и **i*, т. е. в позиции палатализации: *ti-* /*ti-*/ ‘кто’ < анат. **k^wi-*, ср. лув. *kui-*, хетт. *kui-* ‘id.’;

— велярный взрывной *χ* /k/ происходит из анат. **/H/* (< и.-е. **h₂* и **h₃*): *χñna-* /kna-/ ‘бабка’ < анат. **/HaNa-/*, ср. хетт. *hanna-* ‘id.’; *χñtawat(i)-* /kntauat(i)-/ ‘царь’ < анат. /*H(a)nt^o/* (< и.-е. **h₂(e)nt-*), ср. лув. *handauat(i)-* ‘id.’; окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. *-χα* /-ka/ < анат. **/Ha/* (< и.-е. **-h₂e*), ср. лув. *-hha*, хетт. *-hh[un]* ‘id.’. Можно ожидать, что лик. /k/ также продолжает и анат. **/k/*, однако ни одного примера до сих пор не известно (**/k/* сама по себе достаточно редкая фонема в праанатолийском). Палатальный взрывной /ç/ происходит из более раннего пралик. **/k/* в позиции палатализации (оба хороших примера содержат позицию перед **e*): *-ke* /-ce/ ‘и’ < пралик. **/-ke/* < анат. **/-Ho/* (< и.-е. **-h₃e*), ср. лув. *-hha*, хетт. =*ia* ‘id.’. Во втором примере пралик. **/k/* восходит к анат. **/k/*: *tukedr(i)-* /tuceθr(i)-/ ‘статуя’ < пралик. **/tukeθr(i)-* < анат. **/tukōdr^o/*, ср. хетт. *tuekk-*, *tukk-* ‘тело’. Кроме того, /ç/ является рефлексом более раннего **/t/* перед неслоговым **/u/*: *kbi* /çfi-/ ‘два’ < пралик. **/tui-/* < анат. **/dui-/* (< и.-е. **dui-*); *kbatra-* /çɸatra-/ ‘дочь’ < пралик. /*tuetra-* (с гармонией *a/u*) < анат. **/dueğtr-/* (< и.-е. **d^hueğh₂tr-*);

— огулленный велярный взрывной /k^w/ отражает анат. **/H^w/* (< и.-е. **h₂ɥ*): *trqqñt-* /trk^wnt-/ ‘бог Грома’ < анат. **/trH^w(a)nt-/* (< и.-е. **trh₂u(e)nt-*), ср. лув. ^d*tarhuuant-* ‘id.’. Логично ожидать, что лик. /k^w/ также продолжает и анат. **/k^w/*, однако хорошие примеры отсутствуют.

В начальной позиции ликийские взрывные восходят и к праанатолийским слабым взрывным, так как последние в анлауте становились сильными: *ta-* /ta-/ ‘класть’ < анат. **/dē-/* (< **d^heh₁₋*); *qāti* /k^wāti/ ‘он разрушает’ < анат. /*g^wanti/* ‘он бьет’

(< и.-е. *g^{whenti}), ср. хетт. *kuenzi* 'он бьет, он убивает' (с восстановлением *e* по форме 1 л. ед. ч. */g^{wenmi}/);

— фрикативные /ф/ и /θ/ отражают анатолийские слабые */b/ и */d/: *ebe-* /eφe-/ 'этот' < анат. /ʔobo-/ , ср. лув. *apā-* 'тот', хетт. *apā-* 'тот'; окончание 3 л. наст. вр. акт. *-di* /-θi/ < анат. */-di/ , ср. лув. *-ti* 'id.'; окончание абл.-инстр. *-edi* /-eθi/ < анат. */-ōti/ , ср. лув. *-āti* 'id.'. В ряде примеров /ф/ продолжает анатолийское неслоговое */u/ в последовательности */CuV/ , например, *kbi-* /cφi-/ 'два' < анат. */dui-/ , *esb-* /eφφ-/ 'лошадь' < анат. */ʔeķuV°/;

— велярный спирант /x/ восходит к анатолийскому слабому ларингалу */h/: окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. мед. *-χagā* /-kaχā/ < анат. */-Haha°/ (< и.-е. **-h₂eh₂e*), ср. хетт. *-h₂ahat(i)* 'id.'. Можно ожидать, что палатальный спирант /ç/ является палатализованным вариантом /x/ (аналогично /c/ — палатализованному варианту /k/), однако не известно ни одного примера, подтверждающего такое предположение;

— сибилянт /s/ отражает как анатолийское */k̄/, так и интервокальный кластер */-st-/: *si-* /si-/ 'лежать' < анат. */k̄i-/ (< и.-е. **kei-*); *esb-* /eφφ-/ 'лошадь' < анат. */ʔeķu-/ (< и.-е. **h₁éku-*), ср. лув. *azzu-*, др.-инд. *ásva-* 'id.'; *esi* /esi/ 'он есть' < анат. /ʔésti/ (< и.-е. **h₁ésti*), ср. лув. *āšti*, хетт. *ēšzi* 'id.';

— глоттальный спирант /h/ восходит к анатолийскому */s/ и */S/: *hri* /hri/ 'сверху' < анат. /sr̄i/ (< и.-е. **sréi*), ср. хетт. /sr-/ в *šarā* /srā/ 'вверх'; суффикс посессивного прилагательного *-eheli-* /-ehe/i-/ < анат. */-oSo-/ (< и.-е. **-osio-*), ср. лув. *-aššali-*, хетт. *-ašša-* 'id.';

— аффриката /ts/ продолжает анатолийское */ts/: *hrzze/i-* /hrtse/i-/ 'верхний' < анат. */srotsio-/ (< и.-е. **-tio-*), ср. хетт. *šarāzziia-*;

— сонанты /r/, /l/, /m/ и /n/ восходят к анатолийским слабым */r/, */l/, */m/, */n/ и сильным */R/, */L/, */M/, */N/: *eri-* /eri-/ 'поднимать' < анат. */ri-/ (< и.-е. **h₃ri-*), ср. хетт. *arai-/ari-* 'поднимать'; *qla* /k^wla-/ 'двор, (культовое) огороженное место' < анат. /H^wlā-/ (< и.-е. **h₂uleh₂₋*), ср. греч. αὐλή 'id.'; *ēmu* /emu/ 'я, мне' < анат. */ʔmu°/ (< и.-е. **h₁mn°*), ср. лув. *amu*, хетт. *ammuk* 'id.'; *ēnē* /enē/ 'под' < анат. */ʔoNon/, ср. лув. *ānna* 'id.'.

5.1.1. В начальной позиции этимологические слабые согласные усиливались, совпадая с сильными. Из-за этого ликийские спиранты *b* /φ/ и *g* /x/ не встречаются в анлауте. При этом анлаутное *dd-* /θθ-/ засвидетельствовано, но, скорее всего, оно восходит к более раннему */tθ-/ < анат. */dVd°/, где первый слог редуцирован, а гласный позднее синкопирован. В конечной позиции фиксируются только следующие фонемы: гласные /a/, /e/, /i/, /u/, /ē/, /ā/, носовой /n/ (только после согласного, соответственно, всегда выписывается как °Cñ), спиранты /s/ и /h/ (в форме генитива единственного числа имен собственных). Такой инвентарь фонем, возможных в конечной позиции, предполагает, что дописьменный период все конечные взрывные пали (такое развитие также демонстрируют остальные языки лувической группы, что позволяет проецировать утрату конечных взрывных на уровень лувического языка).

5.1.2. В Ля. сохранились отдельные следы праиндоевропейского аблаута. Наиболее ясным примером является имя бога Грозы: ном. ед. ч. *trqqas* из более раннего **trqqās* < анат. */trH^wánts/ (< и.-е. **trh₂uént*s), но дат. ед. ч. *trqqñti* < анат. */trH^wntí/ (< и.-е. **trh₂untéi*). Обе основы зафиксированы в лувийском как *tarḫuquant-* и *tarḫunt-*. Другой возможный пример — слово для 'коровы', которое имеет как основу *wawa-* (акк. ед. ч. *wawā*), так и *uw(a)-* (инстр. ед. ч. и мн. ч. *uwadi*, посессив *uweheli-*). Основа *wawa-*, видимо, происходит из праиликийского **wewa-* с вокалической гармонией, далее < анат.

*/g^wou^o/ (< и.-е. *g^weh₃u- или *g^wh₃eu-?); основа *iw(a)-*, вероятно, продолжает анат. */g^wu-/ (< и.-е. *g^wh₃u-?). Однако в обоих случаях детали остаются неясными.

Лучше сохранились следы праанатолийской лениции. Известно, что в анатолийском праязыке действовал фонетический закон, по которому интервокальные сильные согласные ленировались в соответствующие слабые, если они следовали за долгим ударным гласным или же находились между двумя безударными гласными. Как результат, некоторые глагольные окончания в праанатолийском расщепились на два варианта: с сильным и слабым согласным. Например, */-ti/ и */-di/ (3 л. наст. вр. акт.), */-ha/ и */-ha/ (1 л. прош. вр. акт.). Эти дубликаты сохраняются и в Ля.: *-ti* /-ti/ и *-di* /-θi/ (3 л. наст. вр. акт.), *-te* /-te/ и *-de* /-θe/ (3 л. прош. вр. акт.), *-χā* /-kā/ и *-gā* /-xā/ (1 л. прош. вр. акт.).

5.2.0. Морфология.

5.2.1. Ля. относится к синтетическим флективным языкам.

5.2.2. В именной системе Ля. выделяются два рода (одушевленный и неодушевленный, которые традиционно называются общий и средний) и два числа (единственное и множественное). Имеется семь падежей: номинатив, аккузатив, эргатив, генитив, датив, локатив, аблатив-инструменталис. Прилагательные согласуются по роду, числу и падежу с существительным.

Формальное противопоставление между двумя родами существует только в тех падежах, которые кодируют субъект или прямой объект предложения (номинатив, аккузатив, эргатив). Ля. имеет расщепленную эргативность: имена общего рода флективно изменяются по номинативно-аккузативному принципу, а имена среднего рода — по эргативно-абсолютивному.

Имена общего рода			Имена среднего рода		
СУБЪЕКТ	ПРЕДИКАТ	ОБЪЕКТ	СУБЪЕКТ	ПРЕДИКАТ	ОБЪЕКТ
номинатив	непереходный	—	номинатив-аккузатив	непереходный	—
номинатив	переходный	аккузатив	эргатив	переходный	аккузатив

Редкий пример на эргативную конструкцию (TL 149, 10):

(1) *sēne tesēti qānti tr̄milijēti*

s(e) = e-~ = e-θ tes-ēt-i k^wā-~ti

СОЮЗ=ОН-АКК.ЕД.ОБЩ он-НОМ.МН.ОБЩ клятва-ЭРГ-МН разрушать-НАСТ.3.МН

tr̄milij(e)-ēt-i

ликийский-ЭРГ-МН

‘И они, ликийские божества Клятвы, уничтожат его (= нарушителя)’.

Имена общего рода имеют единый падеж для кодирования субъекта как при непереходном, так и при переходном глаголе (номинатив) и второй падеж для кодирования объекта при переходном глаголе (аккузатив). Имена среднего рода имеют единый падеж для кодирования субъекта при непереходном глаголе и объекта при переходном глаголе и второй падеж для кодирования субъекта при переходном глаголе. Терминологически правильно было бы называть первый из названных падежей у имен среднего рода абсолютивом, хотя его традиционное для анатолистки наименование — номинатив-аккузатив. Второй падеж часто называют эргативом, что правильно. Окончание эргативного падежа состоит из морфемы *-ēt-* (соответствует хетт. *-ant-* и лув. *-ant-*), к которой присоединяется окончание

чание номинатива общего рода (например, эрг. мн. ч. *tesēti* ‘божества клятвы’, где *-ēti* соответствует лув. *-ant-inzi*). Некоторые авторы называют такие эргативные формы индивидуализированными (individualized) или одушевленными (animatized) производными от основ среднего рода — подобный анализ вряд ли удачен с системной точки зрения.

Во всех остальных падежах — генитив (кодирует посессивность), датив (кодирует непрямым объектом), локатив (кодирует место), аблатив-инструменталис (кодирует место, откуда начинается движение, или орудие) — формального противопоставления родов нет. Как и в остальных анатолийских языках, в аблативе-инструменталисе не различаются числа (например, *izredi* может значить как ‘рукой’, так и ‘руками’). Генитивный падеж в единственном числе фиксируется только у имен собственных, в то время как у аппеллятивов в единственном числе принадлежность выражается производным прилагательным с суффиксом *-(e)he/i-* (посессивное прилагательное, согласуемое с существительным-обладающим). Во множественном числе генитив образуется от любых имен.

Морфологической особенностью Л.я. (как и остальных языков лувической группы) является так называемая *i*-мутация. Это значит, что у различных тематических или атематических основ общего рода в номинативе и аккузативе (обоих чисел) может появляться тема *-i-*. У *e*-основ это вторичное тематическое *-i-* даже полностью вытеснило исходную тему *-e-*. Происхождение *i*-мутации является предметом споров.

Именные флексии

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	- \emptyset , -s	- \emptyset , - $\tilde{}$	- \tilde{i} , - \emptyset	-a
Акк.	- $\tilde{}$, - \tilde{n} , - \emptyset		-s	
«Эрг.»	—	?	—	- $\tilde{e}t-i$
Ген.	-h, -he, - \emptyset		- \tilde{e}	
Дат.	-i, -je		-e, - \emptyset	
Лок.	- \emptyset			
Абл.-инстр.	-(e)di			

В номинативе единственного числа общего рода окончание *-s* у консонантных основ (например, *trqqas* ‘бог Грома’ < анат. */trH^wánt(s)/), а нулевое окончание *- \emptyset* — у основ на гласную (*-V* < анат. */-Vs/).

В аккузативе единственного числа общего рода окончание *- \tilde{n}* у консонантных основ (т. е. */-Cn/* < анат. */-Cm/), а окончание *- $\tilde{}$* — у основ на гласную (*- \tilde{V}* < анат. */-Vm/). Так как в дописьменный период *i* подверглось назализации, у *i*-основ нулевое окончание *- \emptyset* (*-i* < пралик. */-i/ < анат. */-im/). У *a*-основ результирующее *- \tilde{a}* sporadически развивается в *-u*.

В номинативе-аккузативе единственного числа среднего рода окончание *- $\tilde{}$* у *e*-основ (т. е. *- \tilde{e}* < анат. */-om/), а нулевое окончание *- \emptyset* — у основ остальных типов (< анат. */- \emptyset /).

Формы эргатива единственного числа не зафиксированы; исходя из лувийских данных, предполагается окончание **- $\tilde{e}t-i$* .

Формы генитива единственного числа с окончаниями *-h* (происхождение неясно), *-he* (< анат. */-so/ или */-So/) и *-θ* (< анат. */-s/) фиксируются только у имен собственных. Неясно, имеется ли какое-либо распределение между тремя окончаниями.

В дативе единственного числа обычным окончанием является *-i* (< анат. */-ī/ или */-i/). Окончание *-je* (происхождение неясно) фиксируется только у имен собственных (например, *adaññina-je, ijamara-je*).

Формы локатива единственного числа фиксируются только у *a*-основ (например, *χира* ‘в гробнице’). Происхождение окончания неясно.

В номинативе множественного числа общего рода окончание *-ī* у *e*-основ и *a*-основ (*-ēi* < пралик. */-ēhi/ < пралув. */-onsi/; *-āi* < пралик. */-āhi/ < пралув. */-ānsi/, ср. лув. *-anzi*), а нулевое окончание *-θ* — у *i*-основ и основ с *i*-мутацией (*-i* < пралик. */-īi/ < пралув. */-insi/, ср. лув. *-inzi*).

Формы аккузатива множественного числа общего рода фиксируются только у основ на гласные (*-Vs* < анат. */-Vns/, ср. лув. *-anza /-ants/*).

В номинативе-аккузативе множественного числа среднего рода окончание *-a* продолжает анат. */-ā/ (ср. лув. *-a*, хетт. *-a*).

В эргативе множественного числа окончание *-ēt-i* восходит или к пралув. */-ont-insi/ или (через гармонию *eli*) к **-āti* < пралув. */-ant-insi/. Лув. *-ant-inzi* не может дать ответа на этот вопрос.

В дативе множественного числа обычным окончанием является *-e* (< анат. */-os/, ср. хетт. *-aš*). Нулевое окончание *-θ* обнаруживается только у некоторых *a*-основ (*-a* < анат. */-ās/). Формы датива множественного числа также функционируют в значении локатива.

Окончание в аблативе-инструменталисе *-(e)di* продолжает анат. */-ōdi/, ср. лув. *-āti* (клин.), *-adi* (ир.).

Для морфологического описания Ля. удобно выделять следующие типы именных основ (необходимо иметь в виду, что не для всех типов зафиксированы полные парадигмы). К типам, названным ниже *eli*-основы и *C(i)*-основы, отнесены лексемы *e*-основ и консонантных основ соответственно, которые показывают *i*-мутацию (обратное определение также верно: *i*-мутация — это переход основы в тип *eli*- или *C(i)*-). Так как *i*-мутация затрагивает только формы номинатива и аккузатива общего рода, то для *eli*- и *C(i)*-основ только эти формы и приводятся. Хотя формально посессивное прилагательное с суффиксом *-(e)heli-* представляет собой словообразовательную деривацию, а не словоизменятельную, в данной статье оно включается в таблицы, так как по причине своей регулярности может претендовать на статус парадигматической формы.

a-ОСНОВЫ

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	°Ca	°Cā	°Cāi	°Ca
Акк.	°Cā, °Cu		°Cas	
«Эрг.»	—	?	—	?
Ген.	°Ca, °Cah(e)		?	
Дат.	°Ci		°Ce, °Ca	
Лок.	°Ca			
Абл.-инстр.	°Cadi			
Посессивное прилагательное	°Caheli-			

Например, *lada-* ‘жена’, *kumaza-* ‘жрец’.

e-основы (редкий тип)

Падежи	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	°Ce	°Cē	°Cēi	°Ca
Акк.	°Cē		°Ces	
«Эрг.»	—	?	—	°Cēti
Ген.	°Ce, °Ceh(e)		°Cē	
Дат.	°Ci		°Ce	
Лок.	?			
Абл.- инстр.	°Cedi			
Посессивное прилагательное	°Cehel/i-			

Например, *esedēñnewe*- 'потомок по крови'.

i-основы (в основном имена собственные)

Падежи	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	°Ci	°Cijē	°Ci	°Cija
Акк.	°Ci		°Cis	
«Эрг.»	—	?	—	?
Ген.	°Cihe		?	
Дат.	°Ci		°Cije	
Лок.	?			
Абл.- инстр.	°Cijedi			
Посессивное прилагательное	°Cijehel/i-			

Например, *ḫadawāti*- 'Кадиянда (топоним)'.

C-основы

Падежи	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Общ. р.	Ср. р.	Общ. р.	Ср. р.
Ном.	°C(s)	°C	?	?
Акк.	°Cñ		?	
«Эрг.»	—	?	—	?
Ген.	?		?	
Дат.	°Ci		°Ce	
Лок.	?			
Абл.- инстр.	°Cedi			
Посессивное прилагательное	?			

Например, *pddēn*- 'место', *trñmis*- 'Ликия'.

e/i-основы и *C(i)*-основы

Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
	Общ. р.	
Ном.	^o <i>Ci</i>	^o <i>Ci</i>
Акк.	^o <i>Ci</i>	^o <i>Cis</i>
Остальные формы совпадают с <i>e</i> -основами или <i>C</i> -основами		

Например, *tideime/i-* ‘сын’, *hrzzel/i-* ‘верхний’, *χñtawat(i)-* ‘царь’.

Несколько именных основ показывают индивидуальные особенности. Существительное общ. р. *trqqñt-* ‘бог Грома’ имеет ном. ед. ч. *trqqas* /trk^was/ (< анат. */trH^wánts/) наряду с дат. ед. ч. *trqqñti* /trk^wnti/ (< анат. /trH^wntí/). Существительное общ. р. *mahana-* ‘божество’ имеет ном. мн. ч. *māhāi* /māhāi/ < пралик. */mahnāhi/ < анат. */māSanānsi/ (с синкопой гласного во втором слоге, который таким образом должен был быть безударным) наряду с дат. мн. ч. *mahāna* /mahana/ < анат. */māSanās/ (без синкопы гласного во втором слоге, который таким образом должен был быть ударным).

Надежно реконструируются следующие количественные числительные:

— **kbi-* /сфi-/ ‘два’ (< анат. **dui-*), постулируется на основе зафиксированных *kbi-sñnel/i-* ‘двухлетний(?)’, *kbi-hu* ‘дважды(?)’, *kbi-sñtāta* ‘двенадцать’/‘двадцать’/‘сто двадцать’ и *kbi(je)-* ‘другой’ < **w* ‘второй’;

— **tri-* ‘три’ (< анат. **tr(e)i-*), постулируется на основе зафиксированного *tri-sñnel/i-* ‘трехлетний(?)’;

— **ni-* ‘девять’ (< анат. **neun-*), постулируется на основе зафиксированного *ni-[s]ñtāta* ‘девятнадцать’/‘девятьсто’/‘сто девятьсто’;

— вероятно *sñta* (< анат. **(d)kmt-*) ‘десять’/‘сто’.

Из личных местоимений известны лексемы 1-го и 3-го лица. У местоимения *emi* ‘я’ зафиксированы только формы: ед. ч. ном. *ēmi*, *emi* (обе — /emu/, без ожидаемой гармонии *a/u*), *amu* (/amu/, с гармонией); и дат. *emi*. Эти формы этимологически соответствуют лув. *ami* ‘я’ (ном., акк., дат.) и хетт. *ammuk* ‘я’ (акк., дат.) < анат. /?Mu(ǵ)/.

Энклитическое личное местоимение 3-го лица =*e*- ‘он’, ‘она’, ‘оно’. Его формы присоединяются к первому слову в предложении (обычно это союзы *te* или *se*) и могут быть кореферентны как предшествующему antecedенту, так и последующему (катафора). Лик. =*e*- этимологически соответствует лув. =*a*- и хетт. =*a*- ‘id.’. Это местоимение имеет следующую дефектную парадигму:

Падеж	Род	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	общ.	= <i>e</i>	= <i>e</i>
Акк.	общ.	= <i>ē</i>	= <i>ede</i> (?)
Ном.-акк.	ср.	= <i>ede</i>	= <i>ede</i>
Дат.-лок.		= <i>i</i>	= <i>ñne</i>

Формы =*ede* и =*ñne* теряют конечный *-e* перед начальным гласным следующего слова: *s=ed=adē* ‘и (se=) он сделал это (=ede)’; *s=ē=ñn=aitē* ‘и (se=) они сделали его (=ē) для них (=ñne)’. Факультативно назализация =*ē* может быть утрачена перед следующим *-t-*, например, *meti* — *mēti*, т. е. *m=ē=ti* ‘и (me=) кто (ti) ... его (=ē)’. Некоторые авторы приводят параллельные формы акк. ед. ч. общ. р. =*ene* — =*ēne* и дат.-лок. ед. ч.

=*ije*, но эти единицы лучше трактовать как акк. ед. ч. общ. р. = \tilde{e} + ном. ед./мн. ч. общ. р. =*e* (с регулярным разложением носового гласного перед следующим гласным) и дат.-лок. ед. ч. =*i* + ном. ед./мн. ч. общ. р. =*e* (с регулярной глайдовой эпентезой).

В Л.я. зафиксировано только указательное местоимение ближнего дейксиса *ebe*- 'этот', 'он', 'она', 'оно', которое, однако, этимологически соответствует лув. *apā*- 'тот' и хетт. *apā*- 'тот' < анат. */ʔobṓ-/. Указательное местоимение дальнего дейксиса 'тот' не известно.

Парадигма *ebe*-

Падеж	Род	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	общ.	<i>ebe</i>	<i>ebēi</i>
Акк.	общ.	<i>ebē; ebñnē</i>	<i>ebeis, ebeijes</i>
Ном.-акк.	ср.	<i>ebē</i>	<i>ebeija</i>
Ген.		—	<i>ebēhē, ebehē</i>
Дат.		?	<i>ebette</i>
Посессивное прилагательное		<i>ebehe/i-</i>	

В некоторых грамматических формах указательное значение 'этот' противопоставлено личному 'он', 'она', 'оно'. В accusative единственного числа общего рода форма *ebē* /eφē/ имеет указательное значение 'этот', а *ebñnē* /eφñē/ — личное 'его', 'ее'. Посессивное прилагательное *ebehe/i-* значит только 'принадлежащий/относящийся к этому' (указательное значение), а личные посессивные значения 'его', 'ее' и 'их' выражаются двумя отдельными посессивными прилагательными (также производными от основы *ebe*-): *ehbi*- 'его', 'ее' (синхронно *i*-основа, однако этимологически это прилагательное должно объясняться через метатезу и синкопу из **ebhe/i-* < **ebehe/i-*, т. е. из регулярно посессивного прилагательного от *ebe*-) и *epttehe/i-*, *eb(e)ttehe/i-* 'их' (посессивное прилагательное от формы дат. мн. ч. *ebette*). Часто встречающиеся формы *ebēñnē*, *ebēñni* (например, с них начинаются многие эпитафии) произведены от демонстративного *ebe*- при помощи адъективного суффикса *-ñn(i)*, который часто выражает место происхождения. Таким образом, *ebēñnē* (и с факультативной *i*-мутацией *ebēñni*) может значить что-то вроде 'этот здесь' (например, *ebēñnē xurā* 'эту гробницу здесь').

Относительное местоимение *ti*- 'который' (вопросительных местоимений в Л.я. не зафиксировано). Эта основа этимологически соответствует лув. *kui*-, хетт. *kui*- 'id.' < анат. */kʷi-/ 'кто?, что?; который'. В предложении одни и те же формы местоимения *ti*- могут быть как полноударными, так и энклитическими.

Падеж	Род	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	общ.	<i>ti</i>	<i>ti, tijēi</i>
Акк.	общ.	<i>ti</i>	?
Ном.-акк.	ср.	<i>ti</i>	<i>tija</i>
Ген.		—	?
Дат.		<i>tdi</i>	?

Энклитический вариант *ti* часто интерпретируют как омонимичное неизменяемое местоимение с рефлексивным значением ('себя', 'себе'), что является ошибкой —

в Ля., видимо, нет рефлексивного местоимения. Следует отметить, что такое ликийское рефлексивное местоимение следовало бы сравнивать с лувийским рефлексивным местоимением $=ti$ (клин.) и $=di$ (иер.), где наблюдается слабый согласный, т. е. соответствующая ликийская форма должна была бы выглядеть как $**=di$ ($**/=θi/$), а не наблюдаемое $=ti$.

На базе относительного $ti-$ при помощи энклитик образуются два дополнительных местоимения: $ti-ke$ 'кто-нибудь', 'что-нибудь' и $ti-se$ 'кто бы ни'. Неизменяемый элемент $-ke$ соответствует лув. $-h̥ha$ < анат. $*/-Ho/$, а $-se$ — хетт. $-kka$ < анат. $*/-ko/$. Оба эти местоимения зафиксированы только в единственном числе:

Падеж	Род	Ед. ч. $ti-ke$	Ед. ч. $ti-se$
Ном.	общ.	<i>tike</i>	?
Акк.	общ.	<i>tike</i>	<i>tise, tish̥, tish̥ke</i>
Ном.-акк.	ср.	<i>tike</i>	<i>tise</i>
Ген.		—	—
Дат.		<i>tdike</i>	?

Поскольку в корпусе Ля. обнаруживается только небольшое количество глагольных словоформ, сведения о глагольной морфологии достаточно ограничены и фрагментарны.

Глагол в Ля. формально различает два з а л о г а: актив и медий (традиционно: медиопассив), и два н а к л о н е н и я: индикатив и императив. В сумме это дает четыре типа форм, из которых на один тип — медиальный императив — в силу ограниченности корпуса не засвидетельствовано ни одного примера.

В индикативе формально различаются два в р е м е н и: настоящее (также имеет значение будущего) и прошедшее.

В глаголе различаются три лица и два числа (единственное и множественное) субъекта, хотя формы 2-го лица единственного числа, 1-го и 2-го лица множественного числа не зафиксированы.

Имеются специальные аффиксальные средства, с помощью которых выражается прямой объект 3-го лица во фразе. Таким образом, глагол Ля. демонстрирует субъектно-объектное спряжение.

В активе индикатива прослеживаются следы противопоставления двух серий глагольных окончаний: так называемые mi -спряжение и hi -спряжение (наиболее полно эти два типа сохранены в хеттском, частично — в лувийском). Речь идет о двух окончаниях 3-го лица единственного числа настоящего времени активного залога индикатива: частотная флексия $-ti$ (с вариантом $-di$) и редкая $-e$.

Приведенные в таблице окончания имеют по два варианта: с неназализованным конечным гласным и назализованным, например, 3 л. ед. ч. прош. вр. акт. индик. $-te$ наряду с $-tē$ и т. п. Исключения составляют: 1) морфемы с исходом на $-i$, $-u$, так как эти гласные деназализовались в праликийском; 2) морфема 3 л. ед. ч. наст. вр. акт. индик. $-e$, где ожидаемый вариант $**-\tilde{e}$ не зафиксирован по причине редкости данного окончания; 3) морфема 1 л. ед. ч. прош. вр. мед. индик. $-χagā$, в которой ауслатный гласный, вероятно, назализован уже этимологически. Распределение между неназализованными и назализованными вариантами следующее: назализованные глагольные флексии употребляются во фразах, где имеется прямой объект 3-го лица, выраженный энклитическим местоимением $=e-$ 'он', 'она', 'оно', т. е.

имеются формы акк. ед. ч. общ. р. = \tilde{e} и акк. ед./мн. ч. ср. р. = ede . Неназализованные глагольные флексии употребляются во фразах, где прямой объект выражен иначе или отсутствует.

Личные окончания глагола

Залог		Актив	Медий
Настоящее время индикатива			
Ед. ч.	1 л.	<i>-u</i>	<i>-χani</i>
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-ti, -dī, -e</i>	<i>-ēni</i>
Мн. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-$\tilde{t}i$, -$\tilde{n}ti$</i>	<i>-$\tilde{t}ēni$</i>
Прошедшее время индикатива			
Ед. ч.	1 л.	<i>-χal/-χā, -gā</i>	<i>-χagā</i>
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-tel/-tē, -de/-dē</i>	?
Мн. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-$\tilde{t}el$-$\tilde{t}ē$, -$\tilde{n}tel$-$\tilde{n}tē$</i>	?
Императив			
Ед. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-tu, -du</i>	?
Мн. ч.	1 л.	?	?
	2 л.	?	?
	3 л.	<i>-$\tilde{t}u$</i>	?

В окончаниях, не имеющих назального в качестве начального элемента, наблюдаются по два варианта: с глухим шумным и звонким шумным, например, 3 л. ед. ч. наст. вр. акт. индик. *-ti* наряду с *-dī*, 1 л. ед. ч. прош. вр. акт. индик. *-χal/-χā* наряду с *-gā* и т. п. Такие варианты синхронно распределены по морфологическим типам глагольных основ; этимологически флексии со звонкими представляют собой ленированные варианты.

Происхождение окончаний активного залога:

— окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. *-u* следует сравнивать с лув. *-ui* (клин.) и *-wi* (иер.). Видимо, эта флексия восходит к анат. */- \bar{u} +i/ (где */- \bar{u} / может отражать индоевропейское тематическое окончание */-oH/);

— окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. *-dī* — ленированный вариант окончания *-ti*. Их следует сравнивать с лув. *-(t)ti* (клин.), лув. *-dī/-ti* (иер.) и хетт. *-zzi*, т. е. с флексиями, относящимися к *mi*-спряжению; они происходят из анат. */- $\bar{d}i$ / и */- $\bar{t}i$ / (< и.-е. */- $\bar{t}i$). Окончание *-e* обнаруживается в форме *erije* 'он поднимает' (TL 29, 7), оно соответствует лув. *-i*, и хетт. *-i*, т. е. флексиям, относящимся к *hi*-спряжению. Бытийный глагол имеет форму *esi* < прафик. */*es-ti*/;

— окончание 3-го лица множественного числа настоящего времени: после гласной употребляется вариант $-\tilde{t}i$ (т. е. гласный исход основы назализируется), после согласной — $-\tilde{n}ti$. Спорадически назализация гласного может исчезать — частая ситуация перед t : например, *alahati* и *alahāti* ‘они готовят (тело) к погребению’. Этимологически соответствует лув. *-nti* и хетт. *-nzi* < анат. $*/-nti/$ (< и.-е. $*-nti$);

— окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. $-g\tilde{a}$ — ленированный вариант окончания $-\chi\tilde{a}$. Этимологически соответствует лув. $-(h)\tilde{h}a$ (клин.), лув. $-ha$ (иер.) и хетт. $-\tilde{h}h[un]$ < анат. $*/-ha/$ и $*/-Na/$ (< и.-е. $*-h_2e$);

— окончание 3 л. ед. ч. прош. вр. $-del-d\tilde{e}$ — ленированный вариант окончания $-tel-t\tilde{e}$. Этимологически соответствует лув. $-(t)ta$ (клин.), лув. $-da-ta$ (иер.) и хетт. $-tta$ < анат. $*/-do/$ и $*/-to/$ (< и.-е. $*-to$, исходно медиальное окончание 3-го лица единственного числа настоящего времени, как сохраняется в хеттском);

— окончание 3-го лица множественного числа прошедшего времени: после гласной употребляется вариант $-\tilde{t}el/\tilde{t}\tilde{e}$ (т. е. сам гласный исход основы назализируется), после согласного $-\tilde{n}tel/\tilde{n}\tilde{t}\tilde{e}$. Если глагольная основа оканчивается на $-i$, синхронная назализация не появляется, так как i деназализировалось в праикийском (например, *aitē* ‘они сделали’ $*aitē$). Также назализация гласного может спорадически исчезать у e и a — это вообще касается позиции перед t : например, *tetē* (с гармонией *eli*) и *tatē* наряду с *tātē* ‘они поместили’;

— окончание 3 л. ед. ч. имп. $-du$ — ленированный вариант окончания $-tu$. Этимологически соответствует лув. $-(t)tu$ (клин.), лув. $-du/tu$ (иер.) и хетт. $-ttu$ < анат. $*/-du/$ и $*/-tu/$ (< и.-е. $*-tu$). Бытийный глагол имеет форму *esu* < пралик. $*es-tu$;

— окончание 3-го лица множественного числа императива: после гласной употребляется вариант $-\tilde{t}u$ (т. е. сам гласный исход основы назализируется); ожидаемый постконсонантный вариант $**-\tilde{n}tu$ не зафиксирован, так как не известно соответствующих грамматических форм от консонантных основ. Назализация гласного может спорадически исчезать — как обычно перед t : например, *tatu* наряду с *tātu* ‘пусть они поместят!’).

Происхождение окончаний среднего залога (медия):

— окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. $-\chi a-ni$ отмечено только в форме *si-χani* ‘я лежу’. Эта флексия может быть сопоставлена с хетт. $-\tilde{h}ha(ri)$ < анат. $*/-Na/$ (< и.-е. $*-h_2e$). Конечный элемент $-ni$, вероятно, является агглютинативным показателем медиального презенса. Так как в хеттском и лувийском в качестве такового показателя используется морфема $-ri$, обсуждаемое $-ni$ должно быть ликийской инновацией (в целом, можно заключить, что в праанатолийском медий формально не различал времен);

— окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. $-\tilde{e}ni$ отмечено только в форме *sijēni* (с графическим вариантом *sijenī*) /*sieni*/ ‘он лежит’. Эта флексия может быть сопоставлена с лув. $-ar(i)$ и хетт. $-a(ri)$ < анат. $*/-o/$ (< и.-е. $*-o$, ср. др.-инд. *śáye* ‘он лежит’ < и.-е. $*kéi-o(-i)$, что является точным соответствием лув. *zīari* и лик. *sijēni* ‘id.’);

— окончание 3 л. мн. ч. наст. вр. $-\tilde{t}\tilde{e}ni$ отмечено только в форме *sitēni* ‘они лежат’. Здесь гласный исход основы $-i$ не назализован (i подвергалось деназализации в праикийском). Предположительно данное окончание оказывало назализирующий эффект (пралик. $*sitēni$), исходя из этимологических соображений. Эта флексия может быть сопоставлена с лув. $-antari$, хетт. $-anta(ri)$ < анат. $*/-(a)nto/$ (< и.-е. $*(e)nto$);

— окончание 1 л. ед. ч. прош. вр. *-xagã* отмечено только в форме *aḫagã* ‘я стал’ (< *‘я сделал из себя X’). Эта флексия может быть сопоставлена с хетт. *-ḫḫaḫa(ri)* и реконструирована как анат. */-Naha/ (< и.-е. *-h₂eh₂e). Назализация конечного *-ã* может предполагать показатель медиального претерита *-n, существовавшего наряду с презентным *-ni*.

Из неличных форм глагола известны показатели инфинитива *-ne*, *-na* (распределение не ясно): например, *as-ñne* ‘делать’, *erije-ne*, *erije-na* ‘поднимать’, *kumezei-ne* ‘совершать жертвоприношение’.

Немного известно о морфологии глагольных основ (как в синхронном плане, так и в этимологическом), однако имеющийся материал позволяет выделить следующие типы основ. Пометы «без лениции» и «с леницией» указывают, какой набор окончаний присоединяется к основе: неленированные окончания 3 л. наст. вр. *-ti*, 1 л. прош. вр. *-ḫal-ḫã*, 3 л. прош. вр. *-tel-tē*, 3 л. имп. *-tu* или ленированные 3 л. наст. вр. *-di*, 1 л. прош. вр. *-gã*, 3 л. прош. вр. *-del-dē*, 3 л. имп. *-du*.

-a- (с леницией): *alaha-* ‘готовить (тело) к погребению’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *alahadi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *alahãti*), *ha-* ‘отпускать’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *hadi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *hãti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *hadē*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *hãtē*), *ta-* ‘ставить, класть’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *tadi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *tãti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *tadē*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *tãtē*).

-a- (без лениции): *prñnawa-* ‘строить’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *prñnawati*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *prñnawate*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *prñnawãtē*), *stta-* ‘стоять’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *sttati*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *sttãte*).

-a(i)- (с леницией): *a(i)-* ‘делать’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *adi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *aiti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *ade*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *aitē*), *ḫtta(i)-* ‘вредить’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *ḫttadi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *ḫttaiti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *ḫttade*).

-e- (с леницией): *tube-* ‘?’ (3 л. ед. ч. прош. вр. *tubedē*), *ddeze-* ‘откладывать(?)’ (3 л. ед. ч. имп. *ddezedu*).

-e- (без лениции): *pije-* ‘давать’ (1 л. ед. ч. прош. вр. *pijaḫa* < **pijeḫa* с гармонией *a/u*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *pijete*, 3 л. мн. ч. прош. вр. *pijēte*).

-(e)i- (с леницией): *tub(e)i-* ‘ударять’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *tubidi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *tubeiti*), *kumez(e)i-* ‘совершать жертвоприношение’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *kumezidi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *kumezeiti*, инф. *kumezeine*), *tll(e)i-* ‘платить’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *tllidi*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *tlleiti*).

-i(je)- (без лениции): *pibi(je)-* ‘давать’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *pibijeti*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *pibite*).

-i(jei)- («*ḫi*-глагол»): *eri(jei)-* ‘поднимать’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *erije*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *erite*, инф. *erijeine*).

-C- (без лениции): *as-* ‘делать (имперфектив)’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *astti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *astte*), *qas-* ‘разрушать (имперфектив)’ (3 л. ед. ч. наст. вр. *qastti*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *qastte*, 3 л. ед. ч. имп. *qasttu*), *tas-* ‘ставить, класть (имперфектив)’ (3 л. мн. ч. наст. вр. *tasñti*).

Отрицание выражается следующими частицами: *ne* (нейтральное отрицание утверждения), *ne-pe* (эмфатическое отрицание утверждения), *ni* (прохибитив), *ni-pe* (эмфатический прохибитив).

Зафиксированы следующие наречия: *ē* ‘если’, *ebei* ‘здесь’, *ebeila* ‘здесь’, *eбели* ‘здесь’, *ēke* ‘когда’, *epi* ‘кроме того’, *epñ* ‘затем’, *epñte* ‘затем’, *ñte* ‘внутри’, *pri*

‘вперед, впереди’, *teli* ‘где’, *teri* ‘когда’. Некоторые из них употребляются и как превербы; в число превербов также входят *epi* ‘на’, *eli* ‘?’, *ese* ‘?’, *eseri* ‘вместе’, *ēti* ‘внизу’, *hñti* ‘?’, *hri* ‘вверх, сверху’, *hrppi* ‘на, сверху’, *ñte* ‘внутри’, *ñtepi* ‘в’.

Как и в остальных анатолийских языках, в Л.я. очень частотно употребление фразовых союзов, к которым присоединяются сентенциальные энклитики — различные частицы и местоимения. Семантически нейтральным союзом является *me*, например, *adi*₁=*me*₂=*j*₃=*ē*₄ : *tike*₅ : *χttbā*₆ : *tisñke*₇ : *m*₈=*ēn*₉=*e*₁₀ : *i*[*t*]*lehi*₁₁ : *qāti*₁₂ : *trñmili*₁₃ ‘Если кто-либо₅ сделает₁ этому₃ это₄, (то есть) какое-либо₇ зло₆, то₈ его₉ (нарушителя) он₁₀, ликийский₁₃ союзник₁₁, уничтожит₁₂’ (ТЛ 89, 2–3). Второй частотный союз *se* имеет сочинительную функцию ‘и’: *ebēññē*₁ : *χupā*₂ : *m*₃=*en*₄=*e*₅=*prñnawatē*₆ | *trijē*[*tezi*]₇ : *s*₈=*en*₉=*e*₁₀=*pijet*[*ē*]₁₁ | *ladi*₁₂ : *eh*[*b*]₁₃ *se*₁₄=*tideime*₁₅ ‘Её₄, эту₁ гробницу₂, возвел₆ здесь₁ он₅, (человек по имени) Триентеци₇, и₈ он₁₀ передал₁₁ её₉ своим₁₃ жене₁₂ и₁₄ детям₁₅’ (ТЛ 7, 1–3). Сочинительный союз *se* также может связывать отдельные именные группы, например, *hrppi*₁ : *ladi*₂ : | *ehbi*₃ : *se*₄=*tideime*₅ : *ehbije*₆ : ‘для₁ своей₃ жены₂ и₄ своих₆ детей₅’ (N306, 1–2). Тот факт, что в надписях, в которых используется знак словораздела, этот знак обычно не ставится между союзами *me* / *se* и следующим словом, должен указывать на проклитический характер *me* и *se*. Известно два дизъюнктивных союза: *ebi* ‘или’ (*se*₁=*we*₂=*ne*₃ : *χttadi*₄ : *tike*₅ : *ebi*₆=*ne*₇=*ñtewē*₈ : *mahāna*₉ : *ebette*₁₀ : *ebi*₁₁=*ne*₁₂ : *ñtewē*₁₃ : *kumazi*₁₄ : *ebehi*₁₅ ‘Никто₅ не₃ будет злодействовать₄ ни_{6/7} против₈ этих₉ богов₁₀, ни_{11/12} против₁₃ их₁₅ жрецов₁₄’ (N320, 34–36)) и *tibe* ‘или’ (*kbi*₁ *tike*₂ *me*₃=*i*₄ *nipe*₅ *ñtepi*₆ *tātu*₇ *tibe*₈=*i*₉ *nipe*₁₀ *hlñmi*₁₁ *tuwetu*₁₂ *hlñmi*₁₃ *me*₁₄=*i*₁₅ *tuwetu*₁₆ *tike*₁₇ *tibe*₁₈=*i*₁₉ *ñtepi*₂₀ *tadi*₂₁ *tike*₂₂ ‘Пусть они не₅ помещают₇ внутрь₆ её₄ (= гробницы) никого₂ другого₁ или же₈ не₁₀ кладут₁₂ *hlñmi*₁₁ в нее₉. Кто бы₁₇ ни поместил₁₆ в нее₁₅ *hlñmi*₁₃ или₁₈ поместит₂₁ внутрь₂₀ нее₁₉ кого-либо еще₂₂, ...’ (ТЛ 88, 3–5)). После перечисленных фразовых союзов могут энклитически следовать сентенциальные частицы =*be*, =*de*, =*pe*, =*te*, =*we*, чье значение не установлено.

Зафиксировано некоторое количество предложений: *ēñē* ‘под’, *ēti* ‘под’, ‘в’, *hrppi* ‘для’, *ñmē* ‘кроме’.

5.2.3. Обычное средство словообразования в Л.я. — суффиксация, что может быть проиллюстрировано следующими примерами (список суффиксов не является исчерпывающим).

Суффиксы существительных:

-*aza*-, имена деятеля: *axātaza*- ‘жрец при жертвоприношении животного’ (< *axāt(i)-* ‘id.’), *kumaza*- ‘жрец’ (< **kuma-* ‘священный’, ср. *kumalihe-* ‘священный’), *zχχaza*- ‘воин’ (< *zχχa-* ‘сражаться’);

-(*e*)*dr(i)-*, абстрактные имена: *tukedr(i)-* ‘статуя’ (< **tuk-*, этимологически соответствует хетт. *tuekk-/tukk-* ‘тело’), *wawadr(i)-* ‘стадо’ (< *wawa-* ‘корова’);

-*ēi(i)-/i(i)-*, имена деятеля: *axāt(i)-* ‘жрец в жертвоприношении животного’ (< *axa-* ‘жертвоприношение животного’), *esbēt(i)-* ‘всадник’ (< *esb-* ‘лошадь’);

-*i-*: *prñnezi-* ‘член семьи’ (< *prñnezeli-* ‘семья, дом’), *kumezi-* ‘культовое огороженное место’ (< *kumeze(i)-* ‘приносить в жертву’);

-*id-*, абстрактные имена: *mahanahid-* ‘жречество’ (< *mahanaheli-* ‘жрец’, букв. ‘божий (человек)’), *przzid-* ‘высший класс’ (< *przze/i-* ‘передний’);

-(*i*)-, имена деятеля: *χñtawat(i)-* ‘правитель’ (< *χñtawa-* ‘управлять’);

-*ta-*, абстрактные имена: *χñtawata-* ‘правление’ (< *χñtawa-* ‘управлять’);

-*wa-*, деноминативы: *prñnawa-* (< **prñnewa-* с гармонией *a/u*) 'строение' (< **prñne-*, ср. *prñnezeli-* 'семья, дом');

-*ze/i-*, деноминативы: *prñnezeli-* 'семья, дом' (< **prñne-*, ср. *prñnawa-* 'строение' < **prñnewa-*);

Суффиксы прилагательных:

-(*e*)*he/i-*, так называемое посессивное прилагательное, выражает принадлежность: *arñnahe/i-* 'ксанфский' (< *arñna-* 'Ксанф' (город)), *atlaheli-* 'собственный' (< *atla-* 'сам', 'личность'), *ertemehe/i-* 'относящийся к Артемиде' (< *erteme/i-* 'Артемиды'), *ēneheli-* 'принадлежащий матери' (< *ēne/i-* 'мать'), *mahanaheli-* 'принадлежащий богу' (< *mahana-* 'бог') и т. д. Этот суффикс настолько продуктивен, что часто рассматривается как средство словоизменения в парадигме существительного;

-*i-*, выражает качество или принадлежность: *kumezi-* 'священный' (< *kumez(e)i-* 'совершать жертвоприношение'), *χñtawati-* 'принадлежащий правителю', 'царский' (< *χñtawat(i)-* 'правитель'), *zχχazi-* 'воинский' (< *zχχaza-* 'воин');

-*ñn(i)-*, образует этнохоронимы: *wedrēñn(i)-* 'из города Родиаполиса' (< *wedre-* 'Родиаполис'), *χbidēñn(i)-* 'из города Кавна' (< *χbide-* 'Кавн');

-*ze/i-*, выражает качество: *atānazeli-* 'афинский' (< *atāna-* 'Афины'), *hrzzeli-* 'верхний' (< **hr-*, ср. *hri* 'сверху' и *hrppi* 'для; на, сверху'), *przzeli-* 'передний' (< **pr-*, ср. *pri* 'вперед', 'впереди'), *sppartazeli-* 'спартанский' (< **spparta-* 'Спарта').

Суффиксы наречий:

-*hu*, мультипликативы: *kbihu* 'дважды' (< *kbi* 'два');

-*pi*: *hrppi* 'для', 'на', 'сверху' (< **hr-*, ср. *hri* 'сверху' и *and hrzzeli-* 'верхний'), *ñtepi* 'в' (< *ñte* 'внутри').

Суффиксы глаголов:

-(*e*)*i-*, деноминативы: *kumez(e)i-* (< **kumaz(e)i-* с гармонией *e/i*) 'совершать жертвоприношение' (< *kumaza-* 'жрец');

-*tuwe-*, каузативы: *qanuwe-* 'заставить разрушить' (< *qā-* 'разрушать');

-*s-*, имперфективы: *as-* 'делать' (< *a-* 'делать', 'сделать'); *qas-* (< **qās-*) 'разрушать' (< *qā-* 'разрушать, разрушить').

Известно несколько деноминативных глаголов, которые можно считать образованными к о н в е р с и е й: *kumaza-* 'совершать жертвоприношение' (< *kumaza-* 'жрец'), *prñnawa-* 'строить' (< *prñnawa-* 'здание').

Глагол *pibi(je)-* 'давать', видимо, является р е д у п л и ц и р о в а н н ы м производным от *pije-* 'давать', хотя такая редупликация должна быть довольно ранней, может быть, даже праанатолийской, иначе переход сильного /p/ (*pije-*) в слабый /φ/ (*pibi(je)-*) не может быть объяснен.

Сочетание преверба с глаголом может трактоваться как п р е ф и к с а л ь н а я деривация (*hrppita-* 'класть сверху' < *ta-* 'класть' + *hrppi* 'на, сверху'). Такие превербы-префиксы в некоторых случаях могут отделяться, например, $se_1=ij_2=e_3=ne_4$: **hrppi₅tāi₆** : *tike₇* : *kbi₈* : **hrppij₉**= $e_{10}=me_{11}=i_{12}$: **tā[ɫ]₁₃** <: *tike₁₄* > 'И₁ никого₇ другого₈ **сверху на₅** него₂ не₄ они₃ **положат₆**. Если₁₁ же они₁₀ **положат₁₃** кого-либо₁₄ **сверху на₉** него₁₂, ...' (TL 150, 4-6).

Наибольшее число основ может быть объяснено как к о м п о з и т ы, из них наиболее ясным примером является *erññēneli-* 'младший брат' < *erñ* 'затем' + *nēneli-* 'брат'.

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. В синтаксисе Л.я. остается довольно много темных мест, однако основные синтаксические черты Л.я. можно описать с той или иной степенью детальности.

Типичный линейный порядок членов предложения: SVO. Пример из TL 40a (= TL 40b):

- (2) *paɣawa* : *manaχine* : *prɳnawate* : *prɳnawā* : *ebēññē*
 /*paɣawa-θ* *manakine-θ* *prɳnaua-te* *prɳnaua-~*
 Пайява-НОМ.ЕД ?-НОМ.ЕД строить-ПРОШ.3.ЕД здание-АКК.ЕД.ОБЩ
eφenne-~
 этот.здесь-АКК.ЕД.ОБЩ
 ‘*manaχine* (титул?) Пайява построил здесь это здание’

В надгробных надписях (составляющих основную часть ликийского корпуса) частотны клефтовые конструкции, например, TL 99, 1-2:

- (3) *purihimetiti* : *prɳnawate* : *masasah* : *tideimi* | *χupā* :: *ebēññē*
 /*purihimeti-θ* =*ti-θ* *prɳnaua-te* *masasa-h*
 Пурихимети-НОМ.ЕД=который-НОМ.ЕД строить-ПРОШ.3.ЕД Масаса-ГЕН.ЕД
tideimi-θ *kupa-~* *eφenne-~*
 сын-НОМ.ЕД гробница-АКК.ЕД этот.здесь-АКК.ЕД
 ‘Пурихимети, сын Масасы, — тот, кто возвел здесь эту гробницу’

Также в надгробных надписях часто обнаруживаются случаи топиализации объекта, для чего используется конструкция с союзом *te* и автоматическим выносом субъекта вправо. Например, TL 80, 1:

- (4) *ebēññē* : *χupā* : *menepɳnawatē* *χakbija*
 /*eφenne-~* *kupa-~* *m(e)* =*e-~* =*e-θ*
 этот.здесь-АКК.ЕД гробница-АКК.ЕД союз он-АКК.ЕД.ОБЩ он-НОМ.ЕД.ОБЩ
 =*prɳnaua-te-~* *kaçria-θ/*
 строить-ПРОШ.3.ЕД-ОБЪЕКТ Катфья-НОМ.ЕД
 ‘Эту гробницу возвел здесь человек по имени Катфья’, букв.: ‘Эту гробницу здесь, он, Катфья (Хакбия), ее построил’.

Вынесенный влево объект (*ebēññē χupā*) дублируется личным энклитическим местоимением =*ē* (акк. ед. ч. общ. р.), а вынесенный вправо субъект пролептически дублируется тем же местоимением =*e* (ном. ед. ч. общ. р.). Кроме того, слитное написание *menepɳnawatē* без знака словodelения, видимо, указывает на то, что данный комплекс представляет собой одно акцентное слово, где цепочка *mene* (< *te=ē=e*) проклитически присоединяется к глагольной форме *prɳnawatē*.

Нередко такая топиализация комбинируется с клефтовой конструкцией, например, TL 48, 1-2:

- (5) *ebēññē* : *χupā* : *mētipɳnawatē* : *padrāma*
 /*eφenne-~* *kupa-~* *m(e)* =*e-~* =*ti-θ*
 этот.здесь-АКК.ЕД гробница-АКК.ЕД союз он-АКК.ЕД.ОБЩ =который-НОМ.ЕД
 =*prɳnaua-te-~* *paθrama-θ/*
 строить-ПРОШ.3.ЕД-ОБЪЕКТ Падрама-НОМ.ЕД
 ‘Эту гробницу возвел здесь человек по имени Падрама’, букв. ‘Эту гробницу здесь, Падрама тот, кто ее построил’.

5.3.2. Ситуация со сложным предложением в Л.я. практически не изучена.

5.4.0. Так как корпус Л.я. мал и в значительной мере однообразен (краткие эпитафии), а кроме того, значение многих слов остается неизвестным (особенно это касается текстов, отличных от шаблонов кратких эпитафий), сложно делать какие-либо обобщения касательно лексики. Можно, однако, указать, что значительное количество слов, чьи значения установлены, хорошо этимологизируется на лувическом, анатолийском и индоевропейском материале. Прозрачными заимствованиями являются следующие основы: *sttala-* 'стела' (< греч. στήλη), *χssadrapa-* 'сатрап', *sixla-* 'сикль (денежная единица)' (оба слова из персидского).

6.0. Среди текстовых памятников Ликии выделяются две надписи, исполненные тем же ликийским алфавитом, язык которых схож с языком основной массы ликийских текстов, но, тем не менее, показывает и ряд явных лингвистических отличий. Это надписи TL 44c(32–64)-d (т. е. две стороны стелы из Ксанфа; оставшиеся две стороны — *a* и *b*, — а также начало стороны *c* несут на себе текст на Л.я. с небольшой вставкой по-гречески) и TL 55. Язык этих надписей обычно называют милийским (см. также статью «Милийский язык» в наст. издании), реже — ликийским В (соответственно, собственно Л.я. в таком случае именуется «ликийский А»). Современное название милийский образовано от топонима Милиада — область на северо-востоке Ликии, хотя, строго говоря, совершенно не ясно, происходят ли носители милийского языка именно из этого района (два известных милийских текста были выбиты на камне в Ксанфе и Антифеллосе, расположенных на юго-западе и юге Ликии соответственно). Некоторые ученые предполагают специфическую близость милийского не к ликийскому, а к карийскому языку, на котором говорили к западу от Ликии.

Суммарно милийские тексты содержат около 490 слов (если формально судить по употреблению знака словораздела). Интерпретация этих текстов сложна, и посему дать полноценное описание милийского языка не представляется возможным. Яркой особенностью милийского корпуса является то, что оба текста, видимо, составлены в стихах (что дополнительно усложняет лингвистический анализ).

Сравнение милийских морфем с их (гипотетическими) этимонами в Л.я. показывает, что рефлексация некоторых праанатолийских фонем в двух языках различалась. В каких-то случаях милийский оказывается более архаичным. Например:

— анат. */s/ или */S/ в интервокальной позиции сохраняются как мил. *s* /s/ (в Л.я. они переходят в *h* /h/): мил. *tbis*u = лик. *kbihu* 'дважды' < анат. /dusu/; мил. *ēneseli-* = лик. *ēnehe/i-* 'материнский' < анат. */ʔoNoSo-/; мил. *wesñtele/i-* = лик. *wehñteze/i-* 'относящийся к городу Феллос';

— анат. */duV-/ переходит в мил. *tb-* /tʰ-/ с сохранением дентального взрывного (в Л.я. > *kb-* /сʰ-/ с палатализацией дентального): мил. *tbis*u = лик. *kbihu* 'дважды' < анат. */dusu/;

— анат. лабиовелярный */k^w/ перед */i/ переходит в мил. палатальный взрывной *k* /с/ (в Л.я. межрядный сдвиг идет дальше, > лик. *t* /t/): мил. *ki-* /сi-/ = лик. *ti-* 'кто' < анат. */k^wi-/; мил. *kibe* /сiʰe/ = лик. *tibe* 'или' < анат. */k^wibo/;

— анат. гласный */u/ в этнонимическом суффиксе */-ʔun-/ 'происходящий из' (нулевая ступень от */-ʔuen-/; зафиксированного в лув. -*uann(i)-*, хетт. -*umen-* 'id.') был утрачен в Л.я., но сохраняется в милийском: мил. *χbidewñm(i)-* = лик. *χbideñm(i)-* 'из города Кавн' < анат. */-un-/.

Другие черты милийского оказываются инновативными по сравнению с Л.я.:

— иногда анат. */u/ в интервокальной позиции переходит в мил. *b* /φ/ (реализуется как звонкий [β] в интервокале; в Л.я. всегда сохраняется *w* /u/): мил. *χñtaba-* /kntaфа-/ [kñdaβa-] = лик. *χñtawa-* /kntaua-/ [kñdawa-] ‘управлять’ < анат. /H(a)ntaua-/;

— анат. */s/ в начальной позиции утрачивается в милийском (в Л.я. сохраняется переходная стадия *h* /h/): мил. *uwedr(i)-* = лик. *huwedr(i)-* ‘весь’ < анат. */suʔōdr-/.

Из морфологических расхождений между двумя языками можно отметить: союз ‘и’ выглядит в милийском как *sebe*, а в Л.я. как *se*. Милийская форма напоминает кар. *sb* ‘и’ и, таким образом, может указывать на промежуточное положение милийского между ликийским и карийским внутри лувической подгруппы.

ЛИТЕРАТУРА

Общие грамматики

Нойман Г. Ликийский язык // Древние языки Малой Азии / Пер. и коммент. А.А. Королева. М., 1980.

Houwink ten Cate Ph.H.J. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961.

Melchert H.C. Lycian // The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages. Cambridge, 2004.

Melchert H.C. Nominal and Verbal Morphology // H.C. Melchert. A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York, 2004.

Neumann G. Lykisch // Handbuch der Orientalistik 1.2.1/2.2: Altkleinasiatische Sprachen. Leiden, 1969.

Исследования по фонологии и морфонологии

Garrett A. The Lycian nasalized preterite // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1991, H. 52.

Hajnal I. Der lykische Vokalismus. Graz, 1995.

Heubeck A. Konsonantische Geminaten im lykischen Wortanlaut // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung 1985, Bd. 98.

Kloekhorst A. Studies in Lycian and Carian phonology and morphology // Kadmos, 2008, Bd. 47.

Laroche E. Comparaison du louvite et du lycien // Bulletin de la Société Linguistique de Paris, 1960, 55.

Melchert H.C. The middle voice in Lycian // Historische Sprachforschung, 1992, Bd. 105.

Melchert H.C. Relative chronology and Anatolian: the vowel system // Rekonstruktion und relative Chronologie: Akten der VIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Leiden, 31. August–4. September, 1987. Innsbruck, 1992.

Melchert H.C. Lycian Phonology // Changes from PA to Lycian, Anatolian Historical Phonology. Amsterdam; Atlanta, 1994.

Van den Hout Th.P.J. Lycian consonantal orthography and some of its consequences for Lycian phonology // Studio Historiae Ardens. Ancient Near Eastern Studies Presented to Philo H.J. Houwink ten Cate on the Occasion of his 65th Birthday. Istanbul, 1995.

Исследования по синтаксису

Garrett A. Topics in Lycian syntax // Historische Sprachforschung, 1992, Bd. 105.

Garrett A. Relative clause syntax in Lycian and Hittite // Die Sprache, 1994, Bd. 36.

Kloekhorst A. The Opening Formula of Lycian Funerary Inscriptions: *mēti* vs. *mēne* // Journal of Near Eastern Studies, 2011, vol. 70, № 1.

Словари

Melchert H.C. Lycian Lexicon. 2nd fully rev. ed. Chapel Hill, 1993.

Melchert H.C. A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York, 2004.

Neumann G. Glossar des Lykischen / Überarbeitet und zum Druck gebracht von Johann Tischler. Wiesbaden, 2007 (Dresdner Beiträge zur Hethitologie, Bd. 21).

Публикации текстов¹

Bousquet J. Les inscriptions gréco-lyciennes // Fouilles de Xanthos IX: La région nord du Létôon. Les sculptures. Les inscriptions gréco-lyciennes. Paris, 1992.

Friedrich J. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932.

Laroche E. L'inscription lycienne // Fouilles de Xanthos VI: La stèle trilingue de Létôon. Paris, 1979.

Mørholm O. & Neumann G. Lykische Münzlegenden. Göttingen, 1978.

Neumann G. Neufunde lykischer Inschriften seit 1901. Vienna, 1979.

Neumann G. Zwei lykische Inschriften aus Tüse // Asia Minor Studien. Bd. 18: Lykische Studien 2: Forschungen auf dem Gebiet der Polis Kyaneai in Zentrallykien. Bericht über die Kampagne 1991, 1995.

Neumann G. Neue lykische Texte vom Avşar Tepesi und aus Korba // Asia Minor Studien. Bd. 41: Lykische Studien 5: Die Siedlungskammer des Yavu-Berglandes. Berichte über die Ergebnisse der Feldforschungskampagne 1995 auf dem Territorium der zentrallykischen Polis Kyaneai. 2000.

Tituli Asiae Minoris I: Tituli Lyciae, lingua lycia conscripti / Ed. E. Kalinka. Vienna, 1901.

Общие материалы

Bryce T. The Lycians I. The Lycians in Literary and Epigraphic Sources. Copenhagen, 1986.

Gander M. Die geographischen Beziehungen der Lukka-Länder // Texte der Hethiter. Heidelberg, 2010, Bd. 27.

Keen A.G. Dynastic Lycia. Leiden; Bostn; Köln, 1998.

В.В. Шеворошкин

МИЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.0. Милийский язык (М.я.), устаревший вариант: ликийский Б / В; англ. *Milyan*, *Lycian B*, нем. *Milyisch*, *Lykisch B*. Самоназвание неизвестно. Современное название языка произведено от народа Μιλύαι (милиецы), который, согласно Геродоту (3:90, ср. также 1:173), был объединен Дарием вместе с ликийцами, карийцами и некоторыми другими народами в единую сатрапию. Этноним Μιλύαι и производный топоним Μιλύας (Милиада — область на северо-востоке Ликии), возможно, этимологически связаны с названием города Милет (хетт. *Milawanda*, греч. Μίλητος), расположенный к западу от Ликии.

М.я. — язык двух стихотворных надписей конца V — начала IV в. до н. э.; фактически это архаический диалект ликийского языка.

2.0. Более древняя из двух милийских надписей, а именно, TL 55 в корпусе ликийских надписей, находится на саркофаге Пихре в Антифеллосе. Вторая надпись, TL 44c(32–64)-d, расположена на двух сторонах стелы из Ксанфа — погребального памятника, сооруженного самому себе ликийским правителем Хереи (лик. *Xerēi*); две другие стороны стелы и начало третьей стороны, TL 44a-b-c(1-19), заняты текстом на ликийском языке, а в середине третьей стороны, TL 44c, 20-31, помещен короткий стихотворный текст на греческом.

¹ См. сводный электронный корпус ликийского языка, составленный Й. Тишлером и К. Мелчергом для проекта TITUS: <http://armazi.fkidl.uni-frankfurt.de/texte/etcs/anatol/lycian/lycco.htm>

ЯЗЫКИ МИРА
Реликтовые индоевропейские языки
Передней и Центральной Азии

Издательство «Academia»
совместно с редакцией журнала
«Вестник Российской академии наук»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. (499)238-21-23, (499)238-21-44, (499)238-25-10
Эл. почта: academia@naukaran.ru, yurin.og@yandex.ru

Директор издательства

О.Г. Юрин

Редакторы

А.С. Касьян, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, О.И. Романова, Н.В. Рогова

Художник

А.В. Кубанов

Корректоры

М.П. Анохина, Н.Л. Артамонова, С.В. Веснина

Верстка

С.С. Белоусов

Оригинал-макет подготовлен
группой «Языки мира»
Института языкознания
Российской академии наук

Подписано к печати 30.11.2013 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Тираж 600 экз. Заказ №
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
142200, г. Можайск, ул. Мира, 93